

Wooldridge. 2021 – *Wooldridge A.* The Aristocracy of Talent. How Meritocracy Made the Modern World. New York: Skyhorse, 2021. 504 p.

Zakaria, 1997 – *Zakaria F.* The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs. Vol. 76, no. 6, 1997. P. 22-43.

УДК 303.43

Желтикова И. В.,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Интернет-мемы о будущем: пролегомены к методологии исследования

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-2-60-79

В статье разрабатываются приемы и методы анализа интернет-мемов как источников для изучения образов будущего современной культуры. Стратегия интерпретации мемов базируется на существующих подходах изучения визуальной метафоры и креолизованного текста и включает в себя перенос информации из области-источника на область-цель с установлением отношений фрейма и топоса интернет-мема. С помощью схем автор демонстрирует подходы прочтения визуальной метафоры, креолизованного текста и различных типов интернет-мемов. В заключительной части статьи проводится анализ мемов о будущем России.

Ключевые слова: *образ будущего, социальные ожидания, интернет-мем, креолизованный текст, когнитивная метафора, визуальная метафора, методы исследования визуальных источников, образ будущего России.*

Zheltikova I. V.,
Candidate of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Department of Philosophy and Cultural Studies,
Orel State University named after I. S. Turgenev.

Internet Memes About the Future: Prolegomena to Research Methodology

The article develops techniques and methods for analyzing Internet memes as sources for studying images of the future of modern culture. The strategy for interpreting memes is based on existing approaches to studying visual metaphor and creolized text and includes the transfer of information from the source area to the target area with the establishment of relations between the frame and topos of the Internet meme. Using diagrams, the author demonstrates approaches to reading visual

metaphor, creolized text, and various types of Internet memes. The final part of the article analyzes memes about the future of Russia.

Keywords: *image of the future, social expectations, Internet meme, creolized text, cognitive metaphor, visual metaphor, methods of studying visual sources, image of the future of Russia.*

Введение

Данное исследование посвящено проблеме анализа мемов как источников, отражающих отношение к будущему большого круга интернет-пользователей. Изучение представлений о будущем, бытующих в обществе в конкретный временной период, представляет интерес в первую очередь с точки зрения раскрытия общественных настроений относительно развития страны, места в ней человека, присутствия или отсутствия перспектив для самореализации и построения личного и общественного благополучия. Конкретное видение будущего выступает мотивом принятия решений в настоящем, готовности действовать ради реализации желаемого будущего или предотвращения нежелательной перспективы [Лаврикова, 2023].

Исследование образов будущего осуществляется в нескольких направлениях в зависимости от того, какие цели преследуют ученые и на какие материалы они опираются. Наиболее разработанными и в зарубежной, и в отечественной науке являются социологические подходы к анализу перспективных социальных ожиданий [См. напр.: Angheloiu, Sheldrick, Tennant, 2020; Усманова, 2024]. Опросы, анкетирования, интервью, проективные тесты достаточно успешно используются для выявления представлений о будущем. Однако в подобных исследованиях невозможно полностью исключить влияние личности исследователя на получаемые им результаты. Поэтому именно социологические исследования дают противоречащие друг другу заключения об образах будущего, присутствующих, например, в современном российском обществе [Сравни, напр.: Горчакова, Филенко, Ларионова, 2024; Кравцов, 2020].

Применение герменевтического подхода и контент анализа текстов позволяет снизить степень влияния представлений исследователя о будущем на реконструируемые им, в результате аналитических процедур, картины будущего [Золотухина-Аболина, Ингерлейб, 2020]. Поскольку в подобных исследованиях анализируемый материал появляется не в результате мотивировки респондента ученым, а создается автором в силу его личной заинтересованности в будущем и размышлений о нем. Таких источников немало – это и тексты художественной литературы, и публицистика, и философские сочинения, и политические программы, и экономические проекты, они менее удобны для исследования, чем материалы, создаваемые непосредственно с целью анализа представлений о будущем, поскольку в большей степени индивидуализированы по форме.

Интересным направлением изучения образов будущего является анализ таких современных источников, отражающих отношение к будущему, как кинофильмы [Грибакина, 2024], мультфильмы и сетевой контент

[Градосельская, Расходчиков, 2020]. Преимущество визуальных источников при выявлении картин будущего и отношения к нему наших современников заключается в первую очередь в том, что визуальные образы отражают не только осознанные представления о будущем, но и подсознательные ожидания [Лукьянова, 2021], интуитивные представления, еще невербализованные предположения.

В этой статье мы хотели бы обратиться к такому источнику, содержащему представление о будущем, как интернет-мем. В современном научном дискурсе интернет-мем трактуется как комплексный феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целостную, завершенную единицу информации, с текстом и картинкой [См.напр.: Гладкая, 2023]. Не решенным пока вопросом, связанным с функционированием мемов, является вопрос о том, возникает ли мем естественным путем в процессе циркулирования и оценки информации в сети интернет или создается намеренно и имеет автора. Н. Г. Марченко, например, говорит о спонтанности возникновения мемов, трактуя их как *«хранилище культурных кодов сетевого сообщества»*, тем самым акцентируя внимание на культурной специфике этих единиц [Марченко, 2019]. Исследователи, изучающие интернет-мем с позиций лингвистики, определяют его как речевой жанр, указывая на ряд дискурсивных признаков, присущих интернет-мему и полагают, что, при всей анонимности, *мемы имеют конкретных акторов*, их распространяющих [Евтых, Рябина, 2024]. Для нас вопрос о целенаправленном или спонтанном появлении мема является не особенно принципиальным, поскольку и в одном, и в другом случае интернет-мем может рассматриваться как выражение коллективных настроений.

Термин «мем» в 1976 году был предложен английским эволюционным биологом и этологом Ричардом Докинзом в книге «Эгоистичный ген». Слово «мем» Докинз придумал, взяв за основу греческое *μίμημα* – «подобие». Докинз рассматривал мемы в качестве репликаторов к социокультурным процессам: «Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [Цит. по: Егоров, 2018].

Докинз понимал под мемом составную часть любой культурной информации, однако в нулевых годах двадцать первого века стало использоваться другое понимание этого термина, связанное с особенностями интернет-общения и «вирусной» формой распространения определенной информации, отражающей ее популярность у пользователей. Д. Рашкофф предложил использовать понятие «медиавирус», обозначая им быстрое распространение идей и образов по инфосфере [Рашкофф, 2003]. Ученый расценивал мемы как скрытый идеологический код, который способен воздействовать на человека.

Согласно американскому лингвисту П. Дэвисону, первыми интернет-мемами были эмодзи – передаваемые при помощи пунктуационной графики выражения радости и печали [Davison, 2012]. Современное понимание мема видит в нем носителя культурной информации, способного к адаптации и репликации и обнаруживающего как содержательную стабильность, так и содержательную вариативность. К основным характеристикам интернет-мема относят: вирусность, реплицируемость, эмоциональность, серийность, мимикрию, минимализм формы, полимодальность, актуальность, юмористическую направленность, медийность, фантазийный характер [Косиченко, 2022]. Интернет-мемы являются типичным интернет-продуктом и отражают такие особенности интернет-контента, как визуализированность, анонимность, стирание границ между интернет-пользователями, детабуизация (поляризация тем-табу) [Марченко, 2019].

Анализ мемов с позиции отражения в них отношения к будущему способен обнаружить представления, которые присутствуют в коллективном бессознательном, показать одновременно то, какие образы будущего оказываются наиболее актуальными в интернет-среде и то, какой эмоциональный отклик они вызывают. Однако разработка методологии исследования мемов находится еще в самом начале, и мы надеемся, что эта статья внесет свой вклад в ее становление.

В нашем исследовании мы будем рассматривать интернет-мем как креолизованный текст [Кузнецова, 2024], что позволит применить к нему приемы, используемые при анализе подобных текстов. Креолизация мема заключается в объединении в нем элементов разных средств коммуникации (вербальных и невербальных): текст (словосочетания, фразы, цитаты), изображения, видео, звуки, GIF-анимацию [Нигматуллина, 2022]. Функциональность элементов в меме обеспечивается не простой «склежкой», а созданием нового значения, часто юмористического или сатирического содержания [Канашина, 2022]. Среди различных приемов работы с креолизованными текстами, нам представляется наиболее полезными те, что восходят к анализу визуальной метафоры. На этом мы и предлагаем построить дальнейшую работу.

Визуальная метафора и ее интерпретация

Рассмотрение методов интерпретации визуальных изображений, отражающих представления о будущем, мы начнем с приемов восприятия и понимания визуальной метафоры. Метафорой как таковой принято называть вид тропа, в котором предмет, означаемый прямым значением слова, имеет какое-нибудь косвенное сходство с предметом переносного значения. Советский литературовед Б. В. Томашевский замечал, что в «метафоре всегда соединятся два значения. Одно значение, которое определяется контекстом, и другое значение, которое определяется привычным употреблением слова, значение, присущее данному слову вне контекста» [Томашевский, 1959 : 221]. По мнению Т. Г. Поповой, метафора является ментальным и языковым механизмом, который заключается во взаимодействии или сравнении двух сущностей на

основании сходства между ними, т.е. нахождении их общих признаков [Попова, 2017]. Соответственно для понимания метафоры важным оказывается различение *области-источника* – той сферы, откуда заимствуется смысл и *области-цели* – той сферы, куда он направляется.

При более широком подходе к трактовке метафоры можно увидеть, что она являет собой не только стилистический прием, но и когнитивный инструмент, помогающий человеку осмысливать и структурировать сложные или абстрактные понятия через более простые и знакомые образы. Такое ее прочтение было предложено Д. Лакоффом и М. Джонсоном в книге «Метафоры, которыми мы живем», рассматривающими метафору в качестве мыслительного механизма [Лакофф, Джонсон, 2017]. По их мнению, когнитивная область-источник представлена, как правило, конкретными понятиями, обозначающими взаимодействие человека с действительностью, например ориентации в пространстве, тогда как область-цель составляют понятия, которые не доступны в прямом физическом опыте [Попова, 2017].

Такой подход позволяет нам рассматривать визуальную метафору как прием, при котором зрительный образ выступает репрезентацией сложной идеи, эмоции или концепции через визуальное сравнение [Борисова, Пигаркина, 2023]. Визуальная метафора порождает у зрителя ассоциации со знакомыми образами, позволяющими сформировать представление о незнакомой реальности. Визуальная метафора оказывается востребованной в случаях, когда требуется передать новый смысл, ценность или эмоцию. Чаще всего мы встречаемся с этим в фотографии, рекламе, кино и анимации, а также дизайне [Coegnarts, 2020].

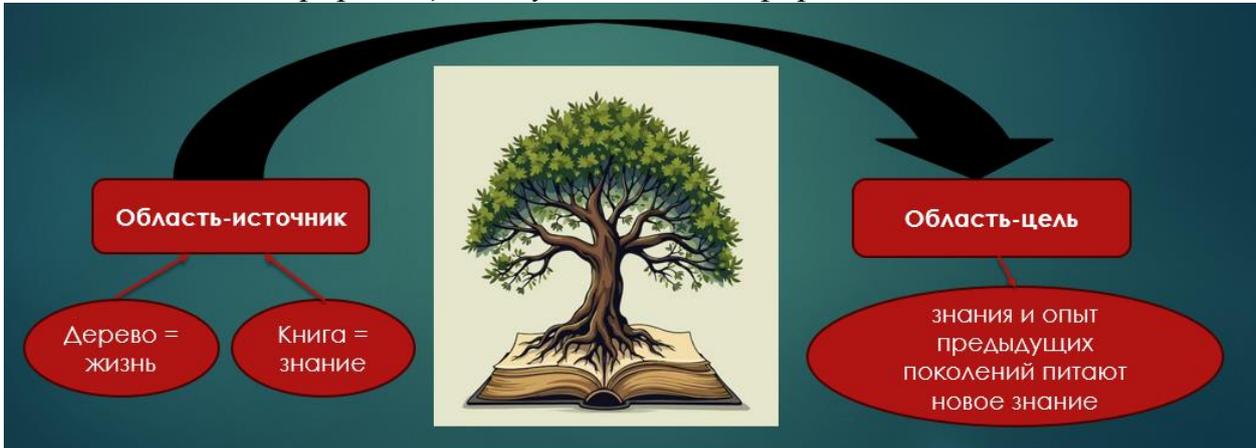
Визуальная метафора, как и языковая, воспринимается на интуитивном уровне и, как правило, не требует пояснений. Индийские ученые *Вилейанур Рамачандран* и *Вильям Хирстайн* [Ramachandran, 1999] говорят о «тоннеле», который образуется между левым и правым полушариями головного мозга, обеспечивая понимание метафорических образов без каких-либо сознательных усилий со стороны человека. Однако использование визуальной метафоры в исследованиях, о которых мы говорили в начале статьи, требует рационализации процесса интерпретации метафоры. Что мы и намерены показать.

Прочтение визуальной метафоры базируется на фиксировании и раскрытии переноса знания из одной области опыта (*область-источника*) в другую (*область-цель*). Область-источник содержит символы и отсылки, с помощью которых генерируется смысл в области-цели. Как правило, область-источник в визуальной метафоре представлен несколькими символами или изображениями, прочитываемыми как символы, образующими единый фрейм. Для прочтения визуального фрейма метафоры необходимо раскрыть смысл составляющих его символов, учитывая взаимодействия, которые могут возникать при этом.

Рассмотрим процесс прочтения визуальной метафоры на примере рисунка, изображающего дерево, уходящее корнями в книгу (Рис.1.). Дерево можно рассматривать как символ жизни, роста, движения сока от корней к кроне, т.е. восхождения от материального к духовному. Книга – это символ знания,

накопления и хранения информации, памяти, связи между поколениями. Соответственно, когда мы смотрим на дерево, растущее или выходящее из книги, мы переносим в область цель следующий смысл: *знания и опыт предыдущих поколений питают новое знание, образуют субстрат жизни, позволяют ей достигнуть духовных высот.*

Рис. 1. Интерпретация визуальной метафоры

Креолизованный текст и его интерпретация

Однако метафора как таковая, даже визуальная, интересует нас постольку, поскольку позволяет рассмотреть базовый прием интерпретации визуального образа, переносящего более сложный смысл, нежели составляющие его изображения. Вторым уровнем сложности такого образа может считаться креолизованный текст, то есть текст, который состоит из двух разнородных частей – вербальной (языковой) и невербальной (относящейся к другим системам знаков, кроме естественного языка). Подобные тексты называют еще синтетическими, поликодовыми, полимодальными, мультимедиальными, гибридными и так далее [Рештаненко, 2024]. Термин «креолизованный» был предложен психолингвистами Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым, по аналогии со словосочетанием «креолизованные языки», то есть, языки, возникшие на территориях функционирования двух языков и образующие новый языковой феномен [Имаева, 2024] типа суржика или идиша. Данное словообразование отсылает нас к понятию «креол», обозначающему человека смешанного происхождения от белой и цветной расы.

Основные элементы креолизованного текста – это вербальная и невербальная составляющие. Вербальная часть обычно представлена надписями на изображении или подписями к нему, формирующими словесный контент, невербальная – символическими или реалистическими изображениями [Вишнякова, Абдюшева, 2024]. В креолизованных текстах как смысл, так и способ его передачи, направлены на трансляцию явной или неявной информации, включая метаинформацию, что позволяет вместить большой объем данных в компактную форму [Журавлева, 2024]. В отличие от обычного проиллюстрированного текста, в креолизованных текстах полнота передаваемой информации может быть достигнута только при одновременном восприятии

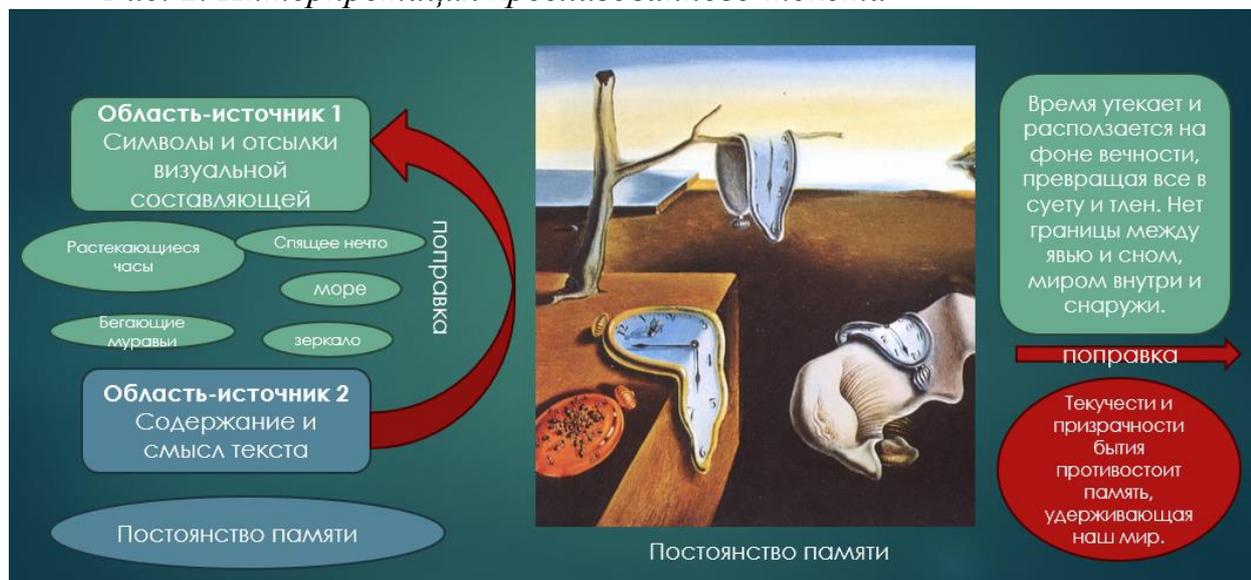
всех компонентов текста [Вашунина, Рябова, 2024].

Вербальная и невербальная части креолизованного текста могут образовывать три типа отношений: 1) дублировать друг друга, в случаях, когда изображение и текст несут один и тот же смысл, 2) взаимодополнять друг друга, если текст и изображение обладают не совпадающим, но соотношенным смыслом, изолированные друг от друга части теряют полноту смысла, который присутствует в единстве изображения и подписи к нему, и, наконец, 3) текст и изображение обладают совершенно различными, может быть, даже противоречивыми смыслами, и именно их диссонанс образует уникальный смысл [Будкова, Глазкова, 2024].

Для интерпретации креолизованного текста можно опираться на приемы, ранее описанные в применении к метафоре. На первом этапе мы определяем смысл визуальной области-источника, так же, как это делали по отношению к визуальной метафоре. Далее делаем поправку этого смысла с учетом содержания текста. И уже на третьем этапе синтезируем смысл креолизованного текста с учетом типа взаимоотношения текста и изображения.

Рассмотрим это на примере одной из самых узнаваемых картин Сальвадора Дали с растекающимися часами. Подпись к ней – «Постоянство памяти» позволяет рассматривать ее как креолизованный текст (Рис.2.)

Рис. 2. Интерпретация креолизованного текста

На рисунке показано, что в креолизованном тексте присутствует не одна, а две области-источника. Первая – изображение с символами-отсылками и вторая, с текстом. Специалисты, исследующие творчество Дали, насчитывают на рассматриваемой картине до 15 символических изображений. Здесь мы назовем пять наиболее *очевидных* (бросающихся в глаза) символов:

- Растекающиеся часы как символ времени, его непостоянства, невозможности остановить мгновение;
- Бегущие по циферблату часов муравьи как символ суеты, ускользания, тления;

– Спящее Нечто, что иногда интерпретируют как спящего Сальвадора Дали, но для нашего рассмотрения не важно, кто именно спит и можно ли этого спящего идентифицировать, важно, что это Спящее Нечто и есть то (та или тот), сон кого мы наблюдаем;

– Море, на заднем плане картины, которое у Дали ассоциировалось с вечностью, неизменным фоном, на котором все происходит;

– Зеркальная поверхность, отражающая море, образующее отражение в отражении, как отсылка к саморефлексии, самосознанию.

Все эти образы образуют первую область-источник – визуальный, и смысл, идущий от нее, может быть таков: *время утекает и расползается, на фоне вечности, превращая все в суету и тлен. Нет границы между явью и сном, миром внутри и снаружи.*

Как уже отмечалось, для интерпретации креолизованного текста необходимо сделать поправку визуальной области-источника на текстовой. Подпись к картине диссонирует с визуальной составляющей – «Постоянство памяти», этот текст не отсылает нас к смыслам, содержащимся в визуальном фрейме. В результате поправки на вторую область-источник у нас получается такое прочтение визуальной метафоры, содержащейся в картине Дали: *Текучести и призрачности бытия противостоит память, удерживающая наш мир.*

Мем как креолизованный текст и его прочтение

Теперь, после этих предварительных замечаний, обратимся непосредственно к теме нашего исследования – рассмотрению интернет-мема, с позиции его прочтения как креолизованного текста. Исследователи отмечают, что для адекватного восприятия содержания мема реципиент должен корректно его декодировать, что зависит от совпадения его культурного фона с фоном возникновения мема, социального положения, возрастных особенностей, владения сленговыми формами речи, общего уровня развития и проч. [Гладкая, 2022].

Для нас важно подчеркнуть, что интернет-мем рассматривается как жанр комического, сложившийся в результате *развития новых технологий*, с одной стороны, и *под влиянием социального фактора, связанного с существующей в любом сообществе людей тенденцией к копированию поведения друг друга*, с другой стороны.

В содержательном отношении каждый мем сочетает два логически не совместимых значения:

1) постоянное, сформированное на основе представлений о некотором культурно значимом событии и являющееся тиражируемым;

2) ситуативное, связанное с конкретной формой, которая привлекается для тиражирования постоянного значения. Именно тот факт, что два значения интернет-мема, как правило, логически не связаны друг с другом, способствует созданию юмористического эффекта [Косиченко, 2022]. Он может быть «заряжен» сарказмом, иронией, постиронией, то есть рассчитан на инициирование смеха.

Рассматривая интернет-мемы, исследователи обычно говорят о присутствии в нем фрейма и топика. Фрейм – информация, заключенная в визуальном компоненте мема, топик – вербальный компонент, содержание и смысл текста. И фрейм и топик интернет-мема могут прочитываться как метафоры со своими областью-источником и областью-целью. Таким образом в интернет-меме присутствуют две метафоры – визуальная и литературная, их взаимодополнение образует единый смысл мема как креолизованного текста. Поэтому первым этапом прочтения мема является установление одной или нескольких областей-источников, во-первых, для представленного изображения и, во-вторых, для подписи к нему.

Отношение фрейма и топика в меме так же, как в креолизованном тексте, может находиться в трех разных вариантах: *полного совпадения*, *взаимного дополнения* и *диссонанса*. Прочтение мема предполагает акцентирование непрямого смысла, содержащегося как в изображении, так и тексте, определении того, что именно порождает комический эффект.

Рассмотрим в качестве примера анализа мема с *полным совпадением* фрейма и топика, кадр из фильма «Братство кольца», изображающий Боромира на совете у Элронда (Рис.3.).

Рис. 3 Дублирование фрейма и топика в меме

Сам по себе этот кадр можно признать вирусным, то есть широко тиражируемым в сети с различными типами подписей. Областью-источником как для фрейма, так и для топика мема служит эпизод кинотрилогии «Властелин колец», в котором обсуждается судьба Кольца Всевластия и Боромир высказывает сомнение в возможности донести его до Ородруина. «Нельзя просто так взять и пойти в Мордор», – восклицает Боромир. Первая часть этого высказывания в мемах обычно дополняется разными концовками на фоне изображения говорящего гондорца.

Фрейм мема – лицо Боромира и характерный жест – символизирует сомнение в возможности выполнения сложной миссии. Топик, в нашем случае, буквально дублирует это содержание – «Нельзя просто так взять и стать интернет-мемом», то есть тоже указывает на невозможность или сложность

достижения желаемого. Только вот невыполнимой миссией в меме становится не опасный поход, а краткосрочное одобрение в интернет-пространстве.

Комический эффект возникает от переноса исходного смысла области-источника достаточно возвышенного и трагического на повседневные реалии. Топик этого мема образует сравнение похода в Мордор с популярностью интернет-картинки. Таким образом смысл мема может быть передан так: *не так-то просто стать интернет-мемом, но никто от этого не умер или подумаешь, проблема – невозможно стать интернет-мемом.*

Второй тип мема со *взаимодополнением фрейма и топика* мы рассмотрим на примере мема со Ждуном (Рис.4.) – скульптурой Маргрит ван Бреворт, голландской художницы, которая в 2016 году по заказу Лейпцигского университета создала образ, символизирующий ожидание, оригинальное название художественного произведения – *Nomunculus loxodontus*.

Рис. 4. *Взаимодополнением фрейма и топика в меме*

Изображение Ждуна в качестве фрейма для мемов особенно популярно в русскоязычном сегменте Интернета. Топик рассматриваемого мема – это тоже вирусный текст: «Я чё то нажала и всё исчезло». Его область-источник не очевиден, но смысл достаточно понятен – *необдуманнные или неграмотные действия приводят к зависанию компьютера или потере несохраненных данных, но актер этих действий не осознает или не хочет признать свою вину за это.*

Если фрейм с изображением Ждуна может нести разные смыслы, связанные с ожиданием, то дополненный текст-подписью, он указывает не просто на ожидание, а на ожидание, что ситуация, когда «все исчезло», как-то сама исправится. Комический эффект мема возникает от одновременной отсылки к пассивности и безответственности субъекта, выступающего причиной утраты данных, не признающего своей вины и не готового что-то предпринимать для исправления ситуации. При том еще, что и сам Ждун и фраза обладают собственным юмористическим содержанием.

Соединяя фрейм и топик интернет-мема, мы получаем смысл, превышающий тот, что присутствует отдельно в изображении или тексте. Примерно его можно передать так: *когда не понимаешь, что делаешь, и не знаешь, как исправить ситуацию, приходится неопределенно долго ждать ее разрешения... И поделом тебе.*

Диссонанс фрейма и топика рассмотрим на примере мема с персонажем советского мультфильма «Ежик в тумане» (Рис.5.). На картинке мы видим ежика, который входит в туман со своим узелочком и подпись: «Жизнь у нас, конечно, интересная, но нервная. Поэтому мы веселые, но злые».

Рис.5. Диссонанс фрейма и топика в меме

Областью-источником фрейма выступает мультфильм, наполненный атмосферой неопределенности, потерянности, загадочности. В мультфильме артикулируется внутренняя речь героя – заблудившегося в ночном лесу ежика, который то предается воспоминаниям и фантазиям: «а я ему скажу...», то констатирует переживаемые состояния: – «и даже лапы не видно...». Ежик – интроверт, склонный к пассивному созерцанию окружающей действительности. Оказавшись в тумане, скрывающем контуры мира, он фиксирует его фрагменты, создавая у зрителя ощущение дезорганизации в таинственном и закрытом пространстве.

На изображении интернет-мема мы видим ежика, спускающегося в туман, как в воду, и тем пересекающего границу устойчивой и предсказуемой реальности и тумана – запутанного, непонятного и потаенного мира. Смысл фрейма – это *вхождение в неопределенность, наступление дезориентации, в которых созерцательность и саморефлексия только усиливают замешательство.*

Топик не имеет сколько-нибудь очевидной области-источника. Он содержит две бинарные оппозиции, характеризующие «нашу жизнь», которые оппозиционны еще и друг другу. Первая: интересная – нервная, вторая: веселые – злые. Обе они не прямые антонимы, если бы мы встраивали прямые смысловые

оппозиции, то сказали бы: интересная – скучная, нервная – спокойная, веселые – грустные, злые – добрые. В варианте топики к мему «интересная, но нервная» жизнь противостоит «веселым, но злым» «нам». Таким образом, смысл топики – *в непредсказуемой жизни нужно быть отчаянным, действовать на свой страх и риск.*

Диссонанс созерцательного и задумчивого ежика и «веселых и злых» «нас» создает комический эффект мема. Его смысл можно передать так: *готовясь окунуться в непредсказуемый и опасный мир, надо быть отчаянным сорвиголовой, даже если в душе ты мечтатель.*

Мемы о будущем России и их интерпретация

Перейдем теперь непосредственно к интересующему нас объекту – мемам о будущем. В этой статье мы не ставим перед собой цель проанализировать достаточное количество мемов, для того чтобы на их основе сделать обоснованные выводы о представлениях о будущем, функционирующих в общественном сознании пользователей интернета. Пока мы хотим только показать, что мемы могут выступать источником подобного анализа и продемонстрировать, каким образом этот анализ может быть проведен.

Начнем с самого простого и не очень смешного мема о будущем (Рис.5.).

Рис.5. «За хлебушком»

Фрейм этого мема – достаточно простой коллаж, состоящий из двух изображений: на переднем плане виден фрагмент деревни со старыми, покосившимися домами и двумя бабушками с авоськами, а на заднем – город с небоскребами. Область-источник представлена самим контекстом двух частей коллажа – архаикой и инновациями. Их соединение, образующее визуальный контраст, создает небольшой комический эффект: в пространстве постиндустриальной цивилизации остаются лакуны прошлого. Фрейм и топик находятся в соотношении взаимодополнения, поскольку надпись поясняет нам, что бабушки идут за хлебушком. Это мем не просто о соседстве старого и нового, но и о присутствии в культуре определенных инвариантных «кодов» – бабушек, не спеша бредущих за продуктами по лугу, стареньких домишек, хлеба, который

«всеу голова». Смысл мема можно сформулировать так: *при всех трансформациях будущего для человека останутся неизменными определенные константы: старость, дом, хлеб.*

В качестве второго примера анализа возьмем интернет-мем с изображением города, все здания которого увенчаны куполами (Рис.6.).

Рис.6. Москва Третий Рим

Областью-источником фрейма выступает визуализация идеи Святой Руси, Гардарики, Москвы третьего Рима. На первый взгляд, светлый белокаменный город, заполненный церквями, создает образ видимого благолепия. Однако при более внимательном рассмотрении мы понимаем, что в этом неопределенном городе нет никаких других построек, кроме церквей, – это полностью десекуляризированный город, жителям которого есть, где молиться, но негде жить, учиться, лечиться, работать, покупать продукты. Уже на уровне фрейма достигается комический эффект между светлым образом церковного града и крайней формой проявления ханжества, обрекающего город на нежизнеспособность. Здесь следует упомянуть, что образ города часто выступает метафорой общества, социального устройства, поэтому смысл фрейма можно передать и так: *доминирование церкви в социальном пространстве России – не то, что вселяет надежду.*

В топике рассматриваемого интернет-мема присутствует две части: первая – это подпись вверху картинке «Россия в ближайшем будущем» и вторая – подпись внизу «Хватит подкидывать им идею». В данном случае топик дополняет фрейм и, как и фрейм, образует внутренний диссонанс, создающий комический эффект. Первая надпись поясняет, что церкви, заполнившие города России, – это ее ближайшее будущее. Вторая показывает отношение к этому. На ней условный комментатор Денис пишет: «Хватит подкидывать им идею»,

иронизируя над таким видением перспективы, которое декларируется «ими», но не разделяется «нами».

Таким образом, взаимодействие фрейма и топики дают понять, что изображение сверкающего куполами белокаменного города не является символом счастливого будущего России – это то, что вызывает сомнение и не принимается зрителем. Рассматриваемый мем демонстрирует сарказм по поводу надежды на религиозно ориентированное будущее России. Его смысл можно передать так: *идея о том, что будущее России связано с доминированием церкви, неправильна, наше будущее должно быть другим.*

На третьем, взятом для анализа, меме изображена большая толпа людей неславянского вида, что-то увлеченно снимающих на камеры телефонов (Рис.7.).

Рис. 7. Москва 2030 год

Данный мем служит примером взаимодействия фрейма и топики. Из фрейма, областью-источником которого выступает реальная фотография толпы мужчин восточного происхождения, что-то снимающих на гаджеты, лишённого топики, мы не можем вывести никакой определённый смысл. Сам по себе данный фрейм не является метафорой. Однако пояснительный текст, указывающий на время и место действия, даёт ощущение ненормальности происходящего. Если это Москва 2030 года, то почему она наполнена нерусскими людьми? Почему русский человек, которого все снимают, является удивительным и редким явлением в столице России? Этот мем демонстрирует злую иронию, а может быть и самоиронию: *миграция в Россию неславянского населения приведет в ближайшем будущем к изменению ее этнического состава, где русские станут редкостью.*

Еще один мем, который мы выделяем по степени усложнения соотношения фрейма и топики – это достаточно распространенный тип бинарного

изображения, где одна часть противопоставляется другой по принципу: было – стало, фантазия – реальность или ожидание – действительность (Рис.8.).

Рис.8. Фантазии о деревнях будущего

Фрейм мема включает визуально три, но, по сути, два образа. Первый – это две верхние картинки вместе, изображающие деревенский пейзаж в варианте достаточно неприглядной реальности и улучшенный его вариант, достигнутый посредством минимальной обработки изображений. Этот образ демонстрирует оппозицию: разруха – процветание, однако подпись к нему: «Фантазии, как могли бы выглядеть деревни в России», сразу поясняет, что перед нами не вариант: было – стало, а мечты. В этой части мема мы видим первый диссонанс – изображение, которое можно прочесть как тенденцию к улучшению жизни в российской деревне, маркируется как пустая фантазия.

Вторая часть мема – это эмотикон, то есть изображение, передающее эмоции. Изображение то ли смеющегося, то ли плачущего человека, обычно читается как «обидно до слез». Текст в этой части дополняет изображение: «Жаль, что это только фантазии». Здесь фрейм и топик совпадают и указывают на несбыточность мечты, обозначено в верхней части мема. В результате этот мем передает саркастический, как и большинство мемов, смысл: *мечтам о лучшем будущем России не суждено сбыться*.

И в заключение рассмотрим большой сложный мем, состоящий из трех разных изображений и нескольких подписей к ним (Рис. 9).

Рис. 9. Гости из будущего

Этот мем распространился по сети после фильма «Сто лет тому вперед» 2024 года, снятого по мотивам одноименной повести Кира Булычева и активного обсуждения этого фильма. Но область-источником мема выступает не современная экранизация книги и не сама повесть, от которой в фильме практически ничего не осталось, а телефильм 1984 года «Гостя из будущего», достаточно точно передающий идеи фантаста. Одной из центральных тем советского фильма, на фоне которой разворачиваются приключения героев, является убежденность в неминуемости наступления светлого будущего с антропоориентированными технологиями, зелеными городами, добрыми, веселыми, умными людьми. Можно сказать, что фильм 2024 года диссонирует с повестью и более ранней экранизацией именно ключевой темой – изображаемое в нем будущее не привлекает ни в своем «позитивном», ни, тем более, «негативном» варианте. Поэтому «мораль», произносимая Колей в конце фильма: «не правда, что мы не можем влиять на будущее, нужно постоянно что-то делать во имя прекрасного будущего. Потому что даже если тебя там не будет, будут те, кого ты любишь» – не вызывает доверия.

Первые два изображения мема образуют один образ по принципу: ожидание – реальность, о чем свидетельствуют подписи картинок. Ожидание – это Алиса Селезнева из фильма 1984 года, реальность – это «умная колонка» Алиса из нашего настоящего. Девочка Алиса символизирует собой то светлое гуманистическое будущее, которое виделось из времени выхода фильма или, даже, 1978 года, когда была написана повесть Булычева. Колонка Алиса – символ не особо полезного, не очень сложного и практически не функционального бытового изобретения, которое практически не меняет повседневную жизнь человека. Общая подпись к этим изображениям – «Алиса из будущего» подчеркивает несовпадение представляемого будущего и реальности, которая заняла место этого будущего. Сочетание возвышенного и низменного здесь и

образует иронический контекст первой части мема. Его смысл мы можем выразить так: *ожидали светлое будущее, а получили бессмысленный гаджет.*

Третий элемент мема представлен отдельными изображениями и текстом. В этом случае фрейм и топик образуют нераздельное единство и в таком виде являются как бы постер к фильму «Гость из будущего, прошлого и настоящего», где все роли играет актер Александр Петров. Заметим, что само по себе изображение Петрова часто используется в мемах как символ чего-то тиражируемого и некачественного. Кроме того, это отсылка к новой «Алисе», где Петров играет Весельчака-У. В качестве второй области-источника мы можем рассматривать здесь и современный российский кинематограф в целом, и современные российские фантастические фильмы. В пользу этого говорит верхняя надпись над «постером» – «От создателей “Притяжения” и “Вторжения”». Можно заметить, что названные фильмы про недалекое будущее, в котором на землю прилетает инопланетный корабль, имеют не очень хорошие отзывы зрителей и критиков. Третье изображение перекликается с первым не только текстом – гостя\гость из будущего, но и тем, что из него взято «тело», к которому прифотошоплена голова Перова. Можно сказать, что третья часть изображения несет такой смысл: *будущее не содержит каких-либо перспектив, оно тиражируемо и бездарно.*

Две части мема вместе противопоставляют представление о будущем в Советском Союзе, которое было позитивным, и безуспешные попытки использовать этот образ светлого будущего в современности. Передать смысл этого мема можно так: *люди прошлого думали, что будущее будет светлым, а оказалось, что их прошлое и было светлым будущим.*

Выводы

В этой статье мы обратились к рассмотрению возможных методов изучения мемов для раскрытия через них представлений о будущем, бытующих в современном обществе. Ориентируясь на методы анализа метафоры, были установлены приемы интерпретации мемов как креолизованных текстов комического жанра. Выявление смысла мема было разделено нами на четыре этапа. Для начала необходимо установить область-источник как для фрейма, так и для топика, образующих мем. Затем определить смысловые ассоциации, вызываемые этими частями мема. Третий этап направлен на обнаружение типа соотношения фрейма и топика (дублирование, взаимодополнение, диссонанс). Четвертый – на установление принципа возникновения комического эффекта (который может носить характер юмора, иронии, сарказма, постиронии). Эти приемы позволяют раскрыть смысл и эмоциональную посылку интернет-мема, что, в свою очередь, делает их источниками, доступными для исследования коллективных представлений о будущем.

Пять мемов о будущем России, рассматриваемых нами в качестве примера работы предложенной нами стратегии изучения интернет-мемов, содержали скептическую оценку перспективы в целом, демонстрировали неприятие образа будущего, ориентированного на традиционные ценности, транслировали недоверие к позитивному влиянию инновационных процессов и возможности

существенного улучшения повседневной жизни, обнаруживали опасения по поводу будущего российской нации. Является ли такой настрой типичным для образов будущего, носителями которых выступают мемы, на данном этапе исследования сказать нельзя. Для этого требуется обработка гораздо большего числа источников. Однако следует помнить, что в силу самой природы интернет-мема он будет настроен на передачу критического и скептического отношения к будущему, поэтому не может быть исключительным источником для исследования образов будущего. В то же время, в совокупности с другими носителями информации об образах будущего интернет-мемы способны обнаруживать реакцию пользователей интернета на присутствующие в общественном сознании социальные ожидания, выявить наиболее популярные из них.

Мы надеемся, что намеченная нами стратегия интерпретации мемов позволит в дальнейшем работать с этими источниками как целостными высказываниями о будущем.

Список литературы

Борисова, Пигаркина, 2023 – *Борисова В. А., Пигаркина Е. А.* Метафора и ментальный образ. Как мы понимаем метафоры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2023. № 2 (77). С. 94-99.

Будкова, Глазкова, 2024 – *Будкова В. К., Глазкова С. Н.* Типы креолизованного текста // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения. материалы XLVIII научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения академика В. П. Макеева. Челябинск, 2024. С. 179-183.

Вашунина, Рябова, 2024 – *Вашунина И. В., Рябова М. Э.* Когнитивная вариативность восприятия креолизованного текста // Организационная психолингвистика. 2024. № 2 (26). С. 60-72.

Вишнякова, Абдюшева, 2024 – *Вишнякова Е. Д., Абдюшева С. А.* Исследование структурно– функциональных и языковых особенностей креолизованных текстов // Вестник науки. 2024. Т. 1. № 2 (71). С. 293-298.

Гладкая, 2022 – *Гладкая Н. В.* Интернет-мем в медийном пространстве: теоретический аспект // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей VI Международного симпозиума. В 2–х томах. Редколлегия: И. П. Зайцева, Е. М. Маркова, Т. С. Чабаненко, Е. М. Шахова [и др.]. Симферополь, 2022. С. 93-99.

Гладкая, 2023 – *Гладкая Н. В.* Мем как феномен культуры и особый вид паралингвистического активного текста в интернет-коммуникации // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VIII Международной научной конференции. Донецк, 2023. С. 92-93.

Горчакова, Филенко, Ларионова, 2024 – *Горчакова О. Ю., Филенко И. А., Ларионова А. В.* Образ будущего студенческой молодежи в условиях новых вызовов: реализация базисных ценностей, оптимизм и удовлетворенность жизнью // Сибирский психологический журнал. 2024. № 91. С. 156-173.

Градосельская, Расходчиков, 2020 – *Градосельская Г. В., Расходчиков А. Н.* Два сценария будущего молодежи: результаты картрирования групп социальной сети «ВКонтакте» на примере Томска // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 4. С. 50-68.

Грибакина, 2024 – *Грибакина Т. Э.* Образы будущего в современном российском кинематографе: утрата или поиск позитивного? // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2024. № 4 (30). С. 41-49.

Евтых, Рябинина, 2024 – *Евтых Э. И., Рябинина А. Г.* Современный интернет-мем как креолизованный текст: специфика построения, основные свойства, прагматика // В сборнике: Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Материалы X Всероссийской научно– практической конференции. Краснодар, 2024. С. 93-101.

Егоров, 2018 – *Егоров Н. С.* Интернет-мем и его основные функции // EUROPEAN RESEARCH. сборник статей XVIII Международной научно– практической конференции. Ответственный редактор Г. Ю. Гуляев. 2018. С. 363-365.

Журавлева, 2024 – *Журавлева В. О.* Креолизованный текст как объект изучения в лингвистике // Вопросы педагогики. 2024. № 1-2. С. 23-25.

Золотухина-Аболина, Ингерлейб, 2020 – *Золотухина-Аболина Е. В., Ингерлейб М. Б.* Будущее имеет сослагательное наклонение // Свободная мысль. 2020. №4. С.166-177.

Имаева, 2024 – *Имаева Г. З.* Креолизованные тексты: понятие и составляющие // Современные исследования: актуальные вопросы теории и практики. сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 95-97.

Канашина, 2022 – *Канашина С. В.* Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41. № 2. С. 317-328.

Косиченко, 2022 – *Косиченко Е. Ф.* Интернет-мем как жанр комического // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2 (857). С. 16-23.

Кравцов, 2020 – *Кравцов О.* Образ будущего как фактор политики // Nauka.me. 2020. № 1. URL: <https://nauka.me/s241328880005231>– 8– 1/

Кузнецова, 2024 – *Кузнецова А. А.* Интернет-мем как форма креолизованного текста // Язык и ментальность в диахронии. сборник научных трудов по итогам IV Всероссийского научного семинара для молодых ученых с международным участием, посвященного 90-летию со дня рождения В. В. Колесова. Владимир, 2024. С. 696-702.

Лаврикова, 2023 – *Лаврикова А. А.* Образ будущего России как фактор укрепления национальной безопасности // Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации. Москва, 2023. С. 203-214.

Лакофф, Джонсон, 2017 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём. М. : Изд-во ЛКИ, 2017. 256 с.

Лукьянова, 2021 – Лукьянова Н. А. Исследование репрезентаций визуального образа «технологическое благополучие в будущем» в социальных сетях (на примере instagram) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 5 (38). С. 588-592.

Марченко, 2019 – Марченко Т. В. Интернет-мем как феномен медиакommunikации: типологические характеристики и потенциал прецедентности // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Сборник научных трудов. 2019. С. 209-220.

Нигматуллина, 2022 – Нигматуллина С. А. Интернет-мем как поликодовый текст: когнитивный аспект // Актуальные проблемы лингвистики и переводоведения. Сборник научных трудов. Под редакцией А.В. Гороховой, Л.Э. Уафа. Краснодар, 2022. С. 79-85.

Попова, 2017 – Попова О. В. Метафора как когнитивное средство создания визуальной образности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 7 (256). С. 194-198.

Рашкофф, 2003 – Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: У-Фактория, 2003. 368 с.

Рештаненко, 2024 – Рештаненко А. А. Особенности функционирования креолизованных текстов в российских СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 2. С. 208-218.

Томашевский, 1959 – Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л.: Гос. Учебно-педагог. Изд-во.М.П. РСФСР Ленинградское отделение, 1959. 536 с.

Усманова, 2024 – Усманова З. Р. Векторы будущего развития России в сознании молодежи (по материалам политико-психологического исследования) // Власть. 2024. Т. 32. № 2. С. 111-118.

Angheloiu, Sheldrick, Tennant, 2020 – Angheloiu C., Sheldrick L., Tennant M. Future tense: Exploring dissonance in young people's images of the future through design futures methods // Futures 117 (2020) 102527

Coegnarts, 2020 – Coegnarts B. Visual Metaphor: Structure and Process // Metaphor and The Social World. 2020. Vol. 10, is. 1. P. 169–175. doi: 10.1075/msw.19022.coe

Davison, 2012 – Davison P. The language of Internet memes. The Social Media Reader / ed. by M. Mandiberg. NYU Press, 2012. P. 120–134. URL: https://www.researchgate.net/publication/263564286_The_Language_of_Internet_Memes

Ramachandran, 1999 – Ramachandran V. S.; William Hirstein. The Science of Art: A Neurological Theory of Aesthetic Experience // Journal of Consciousness Studies. 1999. Т. 6, № 6-7. С. 15-51.